

Дар ее трагедиен и отраден

10 октября в Большом театре состоялся творческий вечер великой балерины Майи Плисецкой. В нем приняли участие артисты балета Театра дю Ренн (Франция), испанские танцовщики, артисты московских театров.

Ни смутное время, ни тревожная обстановка, ни комендантский час не остановили ни саму Плисецкую в ее желании встретиться наконец с любимой московской публикой, ни похлонников балета. Они брали Большой штурмом — Боже мой, как в старые добрые времена! Ожило «какое-то особое, трудно объяснимое словами» ощущение театра, предвкушение чуда.

Взволнованно прозвучал оркестровый антракт к 3-му действию «Раймонды» (дирижер Фуат Мансуров). А затем сразу четыре балерины исполнили «Лебедя» — каждая танцевала свой вариант.

Но и это была лишь затянувшаяся прелюдия. Зал продолжал ждать напряженно, нетерпеливо.

И первые бурные аплодисменты пришлись на долю... Мстислава Ростроповича. Вновь зазвучала та же музыка Сен-Санса, и теперь на сцене появилась сама Майя Плисецкая. Вот где зал по настояющему взорвался, объясняясь в любви божественной Майе — супербалерине, суперженщине, суперактрисе.

Плисецкая не принимала поздравлений и не восседала в ложе, как это принято на солидных юбилеях. Она одаривала нас одним шедевром за другим: Лебедь, Айседора, Кармен, Орели («Безумная из Шайо»). Ожила сцена, ожила зал, радостно принял ту, чей дар, по словам Ахмадулиной, «трагедиен и отраден», чьи триумфы бережно хранимы и этими подмостками, и, конечно, нашей памятью.

Так любимая Плисецкой Кармен в этот вечер властвовала безраздельно. Балерина разыгрывала спектакль в спектакле. «Уступив» свой танец испанке Аранче Аргуэльес, она, сидя на стуле в знаменитой, когда-то скандальной позе, оценивающе наблюдала за происходящим на сцене. А загипнотизированная публика столь же внимательно следила за ее реакцией — даже больше, чем за танцем Аргуэльес. И почему-то казалось, что Кармен-Плисецкая предоплата бы всем Хозе танцовщика Хоакина Кортеса, который в начале вечера исполнял на сцене Большого подлинную фаррукку — в честь неподражаемой Плисецкой — с той любовью и страстью, на которую способны лишь испанцы.

В заключительном отделении был исполнен одноактный балет «Безумная из Шайо» на музыку Родиона Щедрина в постановке Джид-

жи Качуляну. Поставленный специально для Плисецкой в Театре дю Ренн и впервые показанный в Париже на сцене Театра Пьера Кардена, он только благодаря этому юбилею дошел и до нас. Героиня балета, которую все считают безумной (в этой партии, разумеется, Плисецкая), спасает Париж. Жан Жироду, по драме которого создан этот балет, писал: «Достаточно, чтобы нашлась одна здравомыслящая женщина, и безумие, охватившее мир, сломало себе об нее зубы».

Майя Плисецкая, сделавшая уникальный подарок нам, таким обезумевшим в последнюю неделю, дала нам почувствовать себя людьми, привнесла в наш беспорядочный, непредсказуемый мир Гармонию, которая, будем надеяться, не оставит нас в тех испытаниях, которые, увы, нам еще предстоят...

Александр ФИРЕР.